

ДУЭЛЬ ИСТОРИКОВ

Марк

СОЛОНИН

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ:
ХОТЕЛИ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?**

Владимир

ДАЙНЕС

Владимир Дайнес

**Великая Отечественная.
Хотели ли русские войны?**

«Алисторус»

2014

Дайнес В. О.

Великая Отечественная. Хотели ли русские войны? /
В. О. Дайнес — «Алисторус», 2014

И снова и снова в спорах о Великой Отечественной войне всплывает имя Марка Солонина. И вновь кипят страсти вокруг его версии. Так напал ли Гитлер на своего недавнего советского друга Сталина, еще вчера поздравлявшего его с очередной победой в Европе, или все-таки Гитлер нанес превентивный удар? Версии Солонина противостоит известный военный историк – Владимир Дайнес, автор десятков трудов по истории Великой Отечественной войны, биограф Жукова и Рокоссовского, разоблачитель многих мифов об истории Второй мировой войны. Мы предлагаем читателю самому сделать вывод, кто же из историков прав, чья версия лучше аргументирована.

Содержание

Часть I. Что планировал и чего не планировал Сталин	6
М. Солонин. Три плана товарища Сталина	6
Приказано все забыть	6
А где документ с подписью?	7
Все решения принимал хозяин, единолично	8
Сомнений в достоверности нет	9
Есть основания верить	11
Зубастая «маниловщина»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Дайнес, Марк Солонин

Великая Отечественная.

Хотели ли русские войны?

© Солонин М. С., 2014

© Дайнес В. О., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть I. Что планировал и чего не планировал Сталин

М. Солонин. Три плана товарища Сталина

В начале Второй мировой войны Сталин помогал Гитлеру. Это, если выразиться политкорректно, щадя национальную гордость великороссов. А можно сказать и так: «Советский Союз помогал фашистской Германии».

Приказано все забыть

Не будем отвлекаться на бесконечную дискуссию о том, насколько значима была эта поддержка, могла бы Германия без этой поддержки начать и выиграть военную кампанию на Западе. Эта дискуссия будет бесконечной, так как не существует математической модели, формализующей русскую поговорку «Дорога ложка к обеду». Миллион тонн нефтепродуктов, который получила Германия из СССР, легко пересчитать в доллары, рейхсмарки, рубли и тугрики. Сумма получится – в масштабах мировой экономики – очень скромная (к слову сказать, совокупная стоимость муки, перевезенной по Дороге жизни в блокадный Ленинград зимой 1941–1942 годов, была еще меньше).

Однако для Германии, которая ввязалась в войну против коалиции двух мировых держав, каждая тонна советского бензина имела особую ценность, в простом денежном эквиваленте невыразимую. И сказанные с высокой трибуны слова главы правительства другой великой державы: «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это дело политических взглядов... но не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за уничтожение гитлеризма, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за демократию» – тоже дорогого стоили. Не зря же немцы расходовали советский авиабензин для заправки самолетов люфтваффе, с которых текст этого выступления Молотова в виде листовки разбрасывали над Францией.

Нехорошо это все, плохо. «Нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит». А тут не просто «молились за ирода окаянного», а еще и помогали ему вполне практическими делами. И до того допомагались, что проспали тот момент, когда Гитлер собрался с силами, напился живой кровушки да и нанес сокрушительный удар по своему недавнему союзнику...

Каких только слов не придумывай, какие изворотливые мысли на бумаге не записывай – а всем было понятно, что сели мы с этой «великой дружбой» в большую лужу. Плохо. А чтобы воспоминания об этой подлой глупости не омрачали светлый лик родной Коммунистической партии, решено было все забыть.

Ни в одном послевоенном учебнике, ни в одной научно-популярной книге нельзя было найти даже малейших упоминаний о Секретном протоколе к Пакту о ненападении (сам факт его существования с пеной у рта отрицали без малого полвека), о совместном Советско-германском заявлении от 28 сентября 1939 года, о поздравлениях, которые летели из Москвы в Берлин после каждого успешного акта гитлеровской агрессии. А в справочнике «Внешняя торговля СССР» (М., «Финансы и статистика», 1982 г.) были приведены данные по товарообороту внешней торговли СССР в 1940 году со ста государствами мира – кроме Германии, так что про миллион тонн нефтепродуктов прочитать-то было негде. Но и все эти усилия помогали мало – трудно вычеркнуть из народной памяти то, что происходило на глазах и с участием десятков миллионов.

А где документ с подписью?

Двадцать лет назад вышла в свет книга Виктора Суворова «Ледокол». «Братья и сестры, – сказал автор, – откройте глаза! Все было совсем не так!». Не Гитлер использовал нас – это Сталин использовал самовлюбленного ефрейтора в качестве тарана, «ледокола», пробивающего в европейских льдах дорогу для «советского корабля». Да, Сталин поддержал Гитлера, но именно и только так, как веревка поддерживает повешенного. Сталин не «проспал войну» – он к ней всесторонне готовился. Сталин вовсе не был наивным дурачком, который «поверил в подпись Риббентропа», он не был истеричным трусом, который «гнал прочь всякую мысль о войне» и «боялся дать Гитлеру повод для нападения». Сталин готовил свою страну и армию к тому, чтобы нанести уничтожающий удар по гитлеровской Германии. Да, не получилось, да, опоздали с началом стратегического развертывания армии, но по крайней мере старались, стремились к тому, чтобы врезать бесноватому фюреру обухом по затылку...

Что тут началось! Был ли в истории нашей «общественной мысли» другой подобный скандал? Информационное поле переполнилось диким шумом, криком, визгом, глумливым хохотом. Огромные площади карельских лесов изведены на издание десятков пасквильных книжонок: «Миф “Ледокола”», «АнтиСуворов», «Новый АнтиСуворов», «Главная ложь В. Суворова», «Неправда В. Суворова», «Как Суворов выдумывал историю»... У некоторых персонажей отечественной исторической науки одно только упоминание имени Суворова вызывает неконтролируемое словоизвержение: «Подлец! Перебежчик! Иуда! Он врет на каждом слове! Нет, нет и еще раз нет! Мы были верными союзниками Гитлера! У товарища Сталина и в мыслях не было такого, чтобы обмануть партайгеноссе Гитлера! Мы были беспощадны к врагам рейха, и если бы не досадная неприятность, случившаяся на рассвете 22 июня, мы бы и дальше гнали в Германию эшелоны с нефтью и зерном – лишь бы наши фашистские друзья продолжали курочить ненавистных англосаксов...»

Надеюсь дожить до того времени, когда история этой незаурядной психической аномалии станет предметом серьезного изучения лучших специалистов. Пока же в рамках данной статьи я постараюсь собрать и проанализировать те документы и факты, которые выявлены за последние два десятилетия и на основе которых можно уже формулировать вполне аргументированные гипотезы о том, к какой войне готовился Сталин. Дабы не переводить обсуждение этих гипотез в область эмоций и крика, я твердо обещаю не использовать такие слова, как «вторжение», «агрессия», «порабощение», «экспансия» и пр. Для обсуждения проблемы в таких терминах есть другие площадки. На страницах «Военно-промышленного курьера» мы будем говорить о «наступлении», «стратегическом развертывании», «мобилизационном плане», «прикрытии сосредоточения» и прочих категориях военно-исторической науки.

Поскольку речь идет о науке (в противовес идеологии и демагогии), то абсолютно необходимо сказать хотя бы несколько слов о предмете исследования и его особенностях. Особенности эти непростые и, как я смог недавно убедиться, не всеми поняты.

В очередной раз мне об этом напомнил журналист «Голоса Америки» (да-да, того самого, финансируемого Госдепом США «подрывного антисоветского центра»). Накануне траурной даты (22 июня) радиостанция захотела узнать мое мнение о военно-политических планах Сталина. Минут сорок я зачитывал (благо, сидел дома за своим рабочим столом) отрывки из многочисленных особой важности, совершенно секретных документов. Меня внимательно слушали, задавали следующий вопрос, я зачитывал следующий документ...

Наконец трубка в Вашингтоне произнесла свой вердикт: «Знаете, Марк Семенович, какая-то у вас конспирология получается. Ни одного документа, одни догадки да выдумки».

Признаюсь: несмотря на свой, казалось бы, богатый опыт общения с журналистами, я на мгновение лишился дара речи. «Что значит – нет документов? А о чем мы с вами битый

час толкуем?». В «вашингтонском обкоме» дружелюбно засмеялись: «Да бросьте вы, какие же это “документы”? Планы Генштаба? Так военные всегда чего-то пишут и стрелочки на картах рисуют, работа у них такая. Для того чтобы начать войну, нужно Принципиальное Политическое Решение. У вас есть такой документ с подписью Сталина?».

Документа у меня не было. Я был настолько обескуражен железной логикой собеседника, что совсем уже растерялся и не задал ему наиочевиднейший вопрос: «А видел ли кто-нибудь подписанный лично Сталиным документ, в котором было бы сформулировано решение крепить мир во всем мире?».

Нет, в самом деле – где документ? Нам тысячу и один раз рассказывали про «неизменно миролюбивую внешнюю политику Советского Союза». В 1971 году выпустили сборник «СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны», там сотни документов (правда, такую «мелочь и ерунду», как оперативные планы Генштаба РККА, составители сборника включить забыли), но главного-то там нет! Где собственноручно написанная Сталиным бумага: «Я, Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин), приказываю бороться за мир и разоружение, ни в какую войну не ввязываться, терпеливо ждать, пока на нас кто-нибудь нападет первым, а также приказываю именно этот мой приказ считать Принципиальным Политическим Решением».

Нет такой бумаги. И политического решения о подписании Пакта о ненападении с Германией никто никогда не видел. Пакт есть (опубликован во всех центральных газетах), Риббентроп в Москве был (есть соответствующие фотографии), а где же письменно оформленное решение Сталина? В рассекреченных в начале XXI века так называемых Особых папках Политбюро ЦК ВКП(б) среди протоколов заседаний августа 1939 года Пакт и Риббентроп ни в одном падеже не упомянуты вовсе.

А где у нас подписанное Сталиным пресловутое Принципиальное Политическое Решение о начале Большого террора 1937 года? О войне против Финляндии? Об аннексии трех стран Прибалтики в 40-м году? Почему эти документы никто не нашел? И даже искать не начинал?

Все решения принимал хозяин, единолично

Ответ на эти вопросы один, и все его прекрасно знают (точнее говоря – знали). Это только в последние годы, после выхода «Ледокола», статусные отечественные историки начали столь самозабвенно «косить под психов». До этого все и без лишних слов понимали, что в эпоху Сталина страна жила не по Конституции, а по определенным неписаным правилам. В рамках этих «правил» конституционные органы власти (в частности наделенный исключительным правом решения вопросов войны и мира Верховный Совет СССР) не были даже местом для политических дискуссий, напротив – важнейшие (принципиальные) политические решения принимал один человек, причем человек этот до мая 1941 года формально не занимал ни одной государственной должности. (Нашим новоявленным «законникам» следовало бы подумать: а с какой стати на директивах наркома обороны СССР могла появиться подпись одного из многих депутатов ВС СССР товарища Сталина? Кто его вообще мог по закону допустить к документам такого уровня секретности?) Свои решения Сталин доводил до исполнителей как в устной, так и в письменной форме – в любом случае они подлежали безоговорочному исполнению.

Рисовать «стрелочки» на секретных картах Генштаба без прямого, ясного и точного указания Сталина – куда и насколько эти «стрелочки» имеют право направиться – мог только самоубийца. Сложившаяся в высших эшелонах государственной власти обстановка абсолютно исключала возможность проявления какой-либо не санкционированной Хозяином «самодеятельности», в особенности в сфере военной и внешней политики. Более того, подчиненные Сталина – даже самого высокого ранга – сплошь и рядом уклонялись от действий в рамках

предоставленных им полномочий, перекладывая на вождя бремя принятия решения. Одним из самых ярких – и имеющих прямое отношение к обсуждаемой теме – примеров этого может послужить история июня 1941 года с введением в действие Плана прикрытия.

В соответствующих документах прямо и однозначно, в форме, исключающей какие-либо разночтения, было сказано: «План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за подписями Наркома обороны, члена Главного Военного совета, начальника Генерального штаба». Сталин не был ни наркомом обороны, ни начальником Генштаба, ни членом ГВС (эту должность исполняли два секретаря ЦК – Жданов и Маленков). Строго говоря, Сталину просто негде было расписаться на решении о введении в действие Плана прикрытия. Тем не менее вечером 21 июня, когда из приграничных округов уже потоком шли сообщения о том, что немцы снимают проволочные заграждения на границе, а в воздухе висит гул танковых моторов, нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков, как дети малые, пошли к Сталину – просить разрешения на исполнение своих прямых служебных обязанностей.

История с опозданием введения в действие Плана прикрытия – это трагедия. Некоторые другие подобные истории имеют характер грубого трагифарса. Так, маршал артиллерии Н. Д. Яковлев (в начале войны он в звании генерал-лейтенанта возглавил Главное артиллерийское управление) в своих мемуарах рассказывает, как в сентябре 1941 года в одну из формирующихся кавалерийских дивизий поступили шашки дореволюционного производства, на клинках которых была выгравирована надпись «За веру, царя и отечество». Пробежав по ступенькам административной лестницы, решение этого великого вопроса было передано на рассмотрение Верховного главнокомандующего. Самое печальное во всей этой нелепой истории – это тот восторг, с которым уважаемый человек, заслуженный маршал на склоне своих лет рассказывает о проявленной товарищем Сталиным великой мудрости – он все-таки разрешил рубить немцев «за веру, царя и отечество». В рассказе нет даже тени сомнения в том, что в сентябре 41-го стоило тратить драгоценный ресурс – рабочее время Главковерха – на подобную ерунду...

Такая была страна, такая была в ней система власти. Говорить после этого про какой-то «план Жукова», разработку которого он якобы «начал на свой страх и риск» – значит расписаться в абсолютном непонимании предмета обсуждения. И это не «конспирология». Это история государства, организованного по образцу мафиозного клана. Хуже того – главные мафиози имели в своем распоряжении несколько десятков лет для уничтожения письменных свидетельств, а немного уцелевшее и по сей день укрыто во тьме недоступных для историков «спецхранов». В такой ситуации не стоит изображать изумление (тем паче – возмущение) тем, что подписанная Сталиным бумага с Принципиальным Решением не найдена. Удивления достойно уже то, что некоторые документы и мемуарные свидетельства сохранились до наших дней и смогли стать объектом изучения.

Сомнений в достоверности нет

Первый, изначальный план Сталина был предельно прост и логичен. Да вы его и сами знаете, об этом писали во всех школьных учебниках: «Использовать в интересах СССР острые межимпериалистические противоречия». Именно так все и было, но с одним важным уточнением. Использовать противоречия можно по-разному, для достижения разных целей. Товарищ Сталин решил, что интерес СССР заключается вовсе не в борьбе за мир во всем мире, а в разжигании затяжной разрушительной войны в Европе. В том, что было принято именно такое решение, мы можем убедиться на основании аутентичных документов. Главные цели своей внешней политики Сталин вполне отчетливо выразил еще 2 сентября 1935 года в письме Молотову и Кагановичу: «Старой Антанты нет уже больше. Вместо нее складываются две: антанта Италии и Франции – с одной стороны и антанта Англии и Германии – с другой. Чем сильнее

будет драка между ними, тем лучше для СССР. Мы можем продавать хлеб и тем, и другим, чтобы они могли драться. Нам вовсе не выгодно, чтобы одна из них теперь же разбила другую. Нам выгодно, чтобы драка у них была как можно более длительной, но без скорой победы одной над другой».

Интересный документ. Из него, в частности, следует, что на тот момент товарищ Сталин довольно слабо разбирался в международной обстановке – в реальности в Европе формировались совсем другие «антанты» (военно-политические союзы). Но ход мыслей великого провокатора предельно ясен.

В конце лета 1939 года общий замысел стал воплощаться в реальных действиях (договор с Германией, секретный протокол о разделе сфер влияния в Восточной Европе, совместная с вермахтом военная операция по разгрому Польши). Действия нам хорошо известны. В чем были их смысл и цель? Обратимся опять же к цитатам из документов:

1. «Война идет между двумя группами капиталистических стран... Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Гитлера будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам того не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент – подталкивать другую сторону...»

2. «Если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Великобританией, Германия откажется от Польши и станет искать “модус вивенди” с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР. Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. Западная Европа будет подвергнута серьезным волнениям и беспорядкам... Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон... Придерживаясь позиции нейтралитета и ожидая своего часа, СССР будет оказывать помощь нынешней Германии, снабжать ее сырьем и продовольственными товарами...»

3. «Если бы СССР заключил договор с западными державами, Германия никогда бы не развязала войну, из которой разовьется мировая революция, к которой мы долго готовились... Заключив договор с нами, Гитлер закрыл себе путь в другие страны. С точки зрения экономики он зависим только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революции в Германии и во Франции. Наши поставки немцам будут такими, что они будут оставаться голодными... В результате экономических договоров он открыл нам дорогу в рейх. Его война обессилит Европу, которая станет нашей легкой добычей. Народы примут любой режим, который придет после войны...»

4. «Там, на западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло, когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда [у них] руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить... Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют. Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено...»

Достоверность текстов № 1–4 ни малейшего сомнения не вызывает. Это соответственно составленная Георгием Димитровым (и хранящаяся ныне в РГАСПИ) запись выступления Сталина на состоявшейся 7 сентября 1939 года (ровно через неделю после начала войны) встрече с руководством исполкома Коминтерна и его речь на заключительном заседании совещания высшего командного состава Красной армии 17 апреля 1940 года. В сентябре Сталин высказывает оптимистические ожидания («Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались»), в апреле появляются нотки тревоги («Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено»), но общая идея остается неизменной.

Гораздо сложнее обстоит дело с оценкой достоверности текстов № 2 и 3. Номер два – это так называемая речь Сталина на заседании Политбюро ЦК 19 августа 1939 года. Впервые ее обнародовало 28 ноября 1939 года французское агентство «Гавас». Прочитанный мной вариант был опубликован в 1994 году российским историком Т. Бушуевой.

Этот текст является «трижды трофейным» документом – Бушуева обнаружила его в Центре хранения историко-документальных коллекций (бывший «Особый архив»). Там он значился как захваченный Красной армией у немцев и был в свою очередь найден ими во французском Генштабе, куда ему якобы довелось попасть после изъятия у французских коммунистов.

Есть основания верить

Подлинной стенограммы «речи Сталина от 19 августа» никто никогда не видел, нет даже твердых оснований утверждать, что такая речь была произнесена. В «особых папках» Политбюро (правильнее сказать – в том, что предложили публике под этим названием) к дате 19 августа относится только одно решение, причем по крайне малозначимому вопросу (о предоставлении отсрочки от призыва рабочим строительства железной дороги Акмолинск – Карталы). Смотрится это довольно странно. В 1939 году Политбюро принимало в среднем (включая выходные и праздничные дни) 8 решений в день. Август 1939-го был очень горячим – рассматривали ежедневно по два десятка вопросов (при этом надо иметь в виду, что заседаний как таковых было очень мало – решения, принятые Сталиным в узком кругу отобранных им «товарищей», просто оформлялись как «решения Политбюро»). С чего бы это 19 августа партийный ареопаг ограничился лишь одним третьестепенным вопросом?

Едва ли приходится спорить о том, что «французский документ» (назовем его так) – это не стенограмма, а искаженный многократным переводом пересказ чего-то. Чего именно – предстоит выяснить, но явное смысловое сходство с записью Георгия Димитрова, как говорится, бросается в глаза.

Гораздо интереснее и достовернее, на мой взгляд, документ № 3 («чешский документ»). Это отчет группы чешских антифашистов о встрече, которую они имели в октябре 1939 года с заведующим Центрально-Европейским отделом НКВД СССР А. М. Александровым. Документ был передан в Генконсульство США в Праге и затем благополучно пролежал в архиве Госдепа аж до 1978 года, когда его впервые опубликовал американский историк чешского происхождения Й. Калвода. Главным достоинством «чешского документа» являются четко зафиксированные даты: текст был получен генконсулом в Праге 17 ноября 1939 года, переведен на английский язык 20 ноября. Это очень важный момент – документ, почти дословно повторяющий формулировки «речи Сталина», составлен ДО публикации агентства «Гавас» (28 ноября).

Разумеется, это может быть теоретически объяснено тем, что оба текста составлены одним фальсификатором. Но в таком случае осведомленность и изворотливость этого человека не могут не вызывать крайнего изумления. Он знает, что именно 19 августа 1939 года (ни днем раньше и ни днем позже) в процессе заключения советско-германского соглашения произошли ключевые события, описанные в телеграмме посла Германии в Москве графа Шуленбурга так:

«Он [Молотов] настаивает на своем мнении, что в данный момент невозможно даже приблизительно определить время поездки [Риббентропа], так как она требует тщательных приготовлений... Молотова, очевидно, не трогали мои возражения, и первая беседа закончилась заявлением Молотова о том, что он высказал мне взгляды советского правительства и не может более ничего к ним добавить. Едва ли не через полчаса после завершения беседы Молотов передал мне, что просит разыскать его снова в Кремле в 16.30.

Он извинился, что поставил меня в затруднительное положение, и объяснил, что сделал доклад советскому правительству и уполномочен вручить мне проект Пакта о ненападении...

Молотов не объяснил мне причины резкого изменения своей позиции. Я допускаю, что вмешался Сталин...»

До публикации в 1948 году германской дипломатической переписки Госдепом США в известном сборнике трофейных документов германского МИДа (Nazi – Soviet Relations) на всем белом свете не более десятка человек знали о том, что именно 19 августа 1939 года Сталин принял «Принципиальное Политическое Решение» заключить договор с Гитлером (и, что весьма вероятно, сообщил о нем узкому кругу своих приближенных).

В «чешском документе» присутствуют слова А. М. Александра: «...мы не можем позволить себе, чтобы Германия проиграла». Эта фраза имеет долгую и вполне достоверную историю. Произнес ее сам Сталин поздним вечером 23 августа 1939 года в ходе беседы с Риббентропом. 18 октября 1939 года Риббентроп решил использовать эту фразу в своем публичном выступлении и, как лояльный партнер Сталина, заранее прислал текст в Москву для согласования. В версии Риббентропа слова Сталина звучали так: «Советский Союз заинтересован в том, чтобы Германия, являющаяся его соседом, была сильной, и в случае пробы сил между Германией и западными демократиями интересы СССР и Германии будут, конечно же, совпадать. Советский Союз никогда не захочет видеть Германию попавшей в сложную ситуацию».

Товарищ Сталин с пониманием отнесся к желанию министра иностранных дел Третьего рейха публично припугнуть англо-французских плутократов и лишь попросил слегка смягчить формулировки. В согласованном варианте слова Сталина прозвучали так: «Советский Союз заинтересован в существовании сильной Германии. Советский Союз поэтому не может одобрить действия западных держав, создающих условия для ослабления Германии и ставящих ее в тяжелое положение».

До публикации 1948 года об этой переписке никто не знал, как же удалось «фальсификатору» столь близко к тексту передать мысли Сталина?

Коварный «фальсификатор» действует очень хитро: с одним текстом он знакомит мировую общественность с помощью ведущего французского информационного агентства «Гавас», при этом ссылается ни много ни мало на выступление самого Сталина. Другой текст, со ссылкой на высказывания советского чиновника среднего звена, он прессе не показывает, а передает в Генконсульство далекой (не только географически, но на тот момент и политически) от Европы страны.

Все это очень странно. Гораздо более логичным представляется мне гипотеза о том, что «чешский документ» вполне достоверен и аутентичен, да и «французский» – так называемая речь Сталина – также возник не на пустом месте, а представляет собой пересказ инструкций, которые руководители Коминтерна получили в Москве на весьма высоком уровне.

Если заменить ритуальное слово «революция», неизбежное для разговоров в Коминтерне, на гораздо более адекватные ситуации слова «разруха, хаос и анархия», то простой, как и все гениальное, план Сталина предстанет перед нами во всей своей красе. Осенью 1939 года именно Германия представлялась Сталину наиболее слабой стороной конфликта, именно ей он решил оказать разнообразную политическую, психологическую, экономическую помощь с тем, чтобы вожденная общеевропейская война не прекратилась в самом своем начале по причине быстрого разгрома Германии.

Зубастая «маниловщина»

Насколько прост и понятен общий геополитический замысел, настолько же туманной и неопределенной представляется нам военно-стратегическая составляющая «плана Сталина № 1».

Где, на каких оперативных направлениях предполагалось расширять «мировой фронт социализма»?

Удивительный документ (удивительный главным образом тем, что его вовремя не уничтожили) сохранился в недрах Российского государственного военного архива. 5 марта 1940 года заместитель начальника Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР майор госбезопасности Осетров пишет докладную записку наркому обороны Ворошилову:

«31 января командующий войсками Сибирского военного округа командарм 2-го ранга Калинин сделал в окружном доме Красной Армии доклад о международном положении... Калинин заявил о неизбежности большой войны весной 1940 года, в которой с одной стороны будет стоять СССР в блоке с Германией, Японией и Италией против англо-французского блока... Военные действия с Англией, Францией и их союзниками будут носить затяжной характер...»

В последних строках докладной записки заместитель главного «особиста» НКВД СССР делает в высшей степени странный вывод: «Многие командиры считают выступление тов. Калинина путаным и освещение в таком виде международной обстановки политически вредным».

Как прикажете понимать такую расплывчатость и осторожность в оценке? С каких это пор «особисты» стали прятаться за «мнение многих командиров» – особенно после того, как НКВД успешно пересадало и перестреляло многие тысячи командиров Красной армии?

Можно предположить, что 5 марта 1940 года товарищ Осетров и сам еще толком не знал, как теперь надо «освещать международную обстановку», с кем и против кого будет воевать Советский Союз, но на всякий случай решил проинформировать товарища Ворошилова, чтобы снять с себя всякую ответственность. Судя по последствиям – 4 июня 1940 года С. А. Калинин получает звание генерал-лейтенанта и продолжает благополучно командовать своим округом – доклад перед командирами Красной армии с открытыми заявлениями о «неизбежности войны против англо-французского блока», да еще и в союзе с гитлеровской Германией и фашистской Италией, вовсе не был оценен как злобная клевета на неизменно миролюбивую внешнюю политику СССР.

11 мая 1940 года дивизионный комиссар Шабалин подает докладную записку начальнику Главного политуправления Красной армии Мехлису, в которой с большой тревогой напоминает о «необходимости тщательно просмотреть организацию частей и соединений Красной Армии под углом зрения готовности их вести войну на Ближневосточном театре».

21 июня 1940 года генерал-полковник Павлов доложил наркому обороны маршалу Тимошенко свои соображения о возможном использовании вооруженных сил трех аннексированных стран Прибалтики: «После чистки офицерского состава и укрепления частей нашим составом допускаю возможность на первых порах – в ближайшее время – использовать для войны части Литовской и Эстонской армий – вне БОВО, примерно – против румын, афганцев и японцев». В ближайшее время.

К войне против Англии и ее союзников готовились не только советские генералы, но и адмиралы. В «Записке командующего ВВС Черноморского флота по плану операций ВВС ЧФ» (документ составлен не ранее 27 марта 1940 года) читаем: «Вероятный противник: Англия Франция, Румыния, Турция. Задачи ВВС: нанести удары по кораблям в водах Мраморного моря, проливе Босфор, постановка минных заграждений в Босфоре...»

Доклад командующего ВВС ЧФ Главному морскому штабу о плане развития авиации Черноморского флота на 1940–1941 годы предполагал следующее развитие событий:

«Задачи авиации по театрам военных действий:

1. Черное море. Нанесение мощных бомбовых ударов по базам: Констанца, Измаил, Варна...
2. Эгейское море: Салоники, Смирна...
3. Средиземное море: Александрия, Хайфа, Суэцкий канал, о. Мальта, Бриндизи...

Систематическими ударами по Суэцкому каналу лишить Англию и средиземноморские государства возможности нормальной эксплуатации этой коммуникации...»

В эти же месяцы весны 1940 года Главное управление ВВС РККА подготовило документ на 19 страницах под названием «Описание маршрутов по Индии № 1 (перевалы Барочиль, Читраль) и № 4 (перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор). На 34 страницах был составлен «Перечень военно-промышленных объектов» Турции, Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Палестины, Египта и Индии. Почти все перечисленные страны – колонии или полукolonии Великобритании и Франции.

Огромное внимание, уделяемое южному ТВД, отнюдь не означало, что в советских штабах забыли про север Европы. Так, начальник штаба Краснознаменного Балтфлота контр-адмирал Пантелеев в докладной записке в Главный морской штаб предлагал 5 июля 1940 года следующее:

«Захват Аландских островов во всех случаях обстановки на Балтике и немедленно... Наступление наших сухопутных сил на север от базы Ханко и на запад от Выборга (в переводе с русского на русский это означает наступление на Хельсинки. – М. С.)... Немедленно, в этом же году получить Аландские острова и возможность реального контроля над всеми финскими базами в Финском заливе любыми средствами – вплоть до войны».

Не отставал от старшего начальника и командующий эскадрой КБФ контр-адмирал Несвицкий. 10 июля он отправил в Главный морской штаб докладную записку с предложением «решить вопрос самостоятельного существования Швеции и Финляндии в пользу СССР и сделать Балтийское море внутренним морем».

В сентябре 1940 года «вопрос самостоятельного существования Швеции и Финляндии» ставился уже вполне конкретно: командующий ВВС КБФ генерал-майор Ермаченков подготовил для командующего КБФ вице-адмирала Трибуца «Записку по плану операций 1940 г.». Задачи авиации флота были там сформулированы следующим образом:

«Самостоятельными действиями боевой авиации ВВС КБФ и ВВС ПриОВО уничтожить корабли и транспорты в море и не допускать базирования флота противника в: Стокгольм, Карлскроне, Норрчепинг, Форэ, Гельсинки, Або, Раумо, Пори, Мемель, Данциг, Гдыня, Заенец, Штетинг, Киль (перечислены балтийские порты Швеции, Финляндии, оккупированной немцами Польши и Германии. – М. С.)... Во взаимодействии с флотом, ВВС обеспечивают захват Аландских островов путем ударов с воздуха и высадкой воздушного десанта...»

Подготовка к реализации столь впечатляющих планов велась в разных направлениях, в том числе и по линии разведки. Вот, например, что пишет начальник разведывательного отдела штаба ВВС КБФ капитан Семишин начальнику 2-го отделения Первого отдела штаба авиации ВМФ майору Климашину:

«Доношу состояние разведывательной подготовки Штаба ВВС КБФ на 1 августа 40 г...»

Дела целей продолжают заводиться и пополняются поступающим материалом, в частности, размножен объект Стокгольм в 20 экз. и разослан по частям. Разрабатываются объекты Кальмар и Карлскрона. Всего по ВВС заведено: дел целей – 270, из них по Швеции – 91, по Германии – 90, по Финляндии – 36».

14 августа майор Климашин посылает в адрес капитана Семишина следующие указания:

«К 1 сентября 1940 г. донесите – по каким целям оформлены дела по Финляндии, Швеции и во всех ли полках они есть. Одновременно сообщите, получили ли Вы объект «Стокгольм» из разведотдела КБФ и какие в нем недостатки. Обработку дел форсируйте с тем, чтобы закончить их в ближайшее время».

Разумеется, авиация была не единственным и даже не самым главным инструментом «решения вопроса самостоятельного существования Швеции» или блокирования Суэцкого канала. У нас как-то принято забывать о грандиозной программе строительства Военно-морского флота, реализация которой началась в СССР в конце 30-х годов. В 1938-м было принято

решение в течение 10 лет передать ВМФ 15 (!!!) линкоров, 35 тяжелых и 20 легких крейсеров, 145 лидеров и эсминцев. Позднее эту программу несколько подсократили – за семь лет предстояло построить «всего лишь» 6 линкоров, 21 легкий крейсер, 98 лидеров и эсминцев.

В перечне военной техники, оборудования и вооружений, закупленных в 1939–1940 годах в Германии, едва ли не половину составляли многочисленные образцы морской артиллерии (включая специальные коррозионно-стойкие орудия для подводных лодок), минного и торпедного вооружения, гидроакустические приборы, палубные самолеты-разведчики и катапульты для их запуска, гребные и турбинные валы, судовые дизели, корабельная броневая сталь, наконец, новейший крейсер «Лютцов», достроенный затем в Ленинграде.

Из 25 млрд рублей, ассигнованных в 1940 году по плану заказов вооружения и боевой техники, почти четверть (5,8 миллиарда) выделялась Наркомату ВМФ. Сметная стоимость одного линкора типа «Советский Союз» («проект 23») была в 1940-м установлена в размере 1,180 млн руб.

При всех оговорках по поводу того, что цена в условиях антирыночной социалистической экономики – категория достаточно условная, все же надо отметить следующее: один «Советский Союз» должен был обойтись казне в цену 80 тысяч противотанковых «сорокапятков», или 3 тысяч средних танков Т-34, или 3,2 тысячи легких бомбардировщиков СБ. К счастью, на строительство линкоров успели израсходовать (не считая затрат на НИОКР) лишь «жалкие» 600 млн рублей. В июле 1941-го все работы по созданию линкоров и тяжелых крейсеров немедленно остановили, а их корпуса законсервировали – для вооруженного сопротивления с Германией эти циклопические монстры были совершенно непригодны.

К началу Второй мировой войны в строю ВМС великой морской державы Великобритании числилось 58 подводных лодок, ВМС Италии – 68, Японии – 63, Германии – 57. Флот огромной континентальной страны СССР имел (правда, не к сентябрю 1939-го, а к июню 1941 года) 267 субмарин. Вопрос: морскую блокаду какой страны должна была осуществлять эта подводная армада?

Ряд историков авиации (В. Белоконов, А. Степанов) обратили внимание и на явную «антианглийскую» направленность развития советских ВВС на рубеже 30–40-х годов. Уже имея в серийном производстве и на вооружении строевых частей бомбардировщик ДБ-3ф, способный с бомбовой нагрузкой в одну тонну пролететь 3300 км (аналогичный показатель у лучшего на тот момент немецкого бомбардировщика He-111 – не более 2700 км), Сталин в январе 1939 года ставит перед конструкторами задачу создания бомбардировщика, способного преодолеть 5000 км. Зачем? К каким рубежам предстояло лететь «сталинским соколам»? От Минска до Берлина – 1000 км, от Минска до Гамбурга – 1200 км, от Киева до Мюнхена – 1400 км, от Владивостока до Токио – 1200 км. Дальности серийного ДБ-3ф вполне хватало для бомбардировки любой из названных целей. А вот для удара по Британским островам действительно требовался бомбардировщик со значительно большей дальностью (от Минска до Лондона – 1900 км, до Манчестера – 2000 км)...

... Вся эта «маниловщина», сладкие сны про превращение Балтики во «внутреннее море» и перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор на пути к Индийскому океану рассыпались в пух и прах летом 1940 года. В течение одного месяца была разгромлена Франция. Английский экспедиционный корпус еле унес ноги, оставив на прибрежном песке Дюнкерка горы тяжелого вооружения. Новорожденный вермахт с головокружительной быстротой превращался в мощнейшую армию мира. Большая часть континентальной Западной Европы оказалась под контролем Гитлера. Эта ошеломляющая реальность заставила Сталина коренным образом менять стратегический план войны.

В отличие от «плана № 1», о содержании которого можно лишь догадываться по отдельным крохам информации, реконструировать «план № 2» сегодня можно достаточно подробно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.